

Наталья Борисовна Ветошникова.
2011 г.

В 1939 году окончила школу и поступила в Первый Ленинградский государственный педагогический институт иностранных языков на факультет немецкого языка (ЛГПИИЯ).

В августе 1941 года, в связи с войной, будучи уже студенткой 3-го курса, начала работать. Всю блокаду города – от первого до последнего дня – провела в Ленинграде. В 1943 году 3-й призер Блокадного первенства Ленинграда по теннису.

В 1949 году вновь поступила и в 1953 году окончила Первый ЛГПИИЯ. С 1953 по 1955 год преподавала в Институте холодильной промышленности, с 1955 по 1969 год – в Радиотехническом техникуме № 1, позднее переименованном в Техникум морского приборостроения. Соавтор учебника немецкого языка для средних специальных учебных заведений, изданного в 1964 году (последнее 5-е издание – в 1971 году).

С 1969 по 1986 год преподавала в Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова на факультетах математики и механики, а также прикладной математики процессов управления.

Выйдя в 1986 году на пенсию, занялась приведением в порядок сохранившегося, несмотря на войны и блокаду, семейного архива, фотографий и книг, с последующей передачей их в различные музеи, архивы и библиотеки: в Музей-квартиру А. А. Блока, Музей-заповедник А. А. Блока в Шахматове, в Музей-институт семьи Рерихов, в Музей гимназии К. И. Мая, в Центральный государственный архив кинофотофонодокументов, в библиотеку Дома ветеранов сцены и во многие другие места.

В последнее время Наталья Борисовна активно занимается литературной работой. Она является одной из соавторниц книги «Медики и блокада. Взгляд сквозь годы» (1997); соавтором очерка о Н. Н. Самарине и автором очерка об О. К. Самаринной в книге «Николай Николаевич и Ольга Конрадовна Самарины» (из серии «Наши ученые», издания Медицинской академии последипломного образования (МАПО) (2005); принимала участие в работе над книгой «Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина» (2010).

Наталья Борисовна Ветошникова имеет правительственными награды: медали «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «Ветеран труда» и девять других медалей. А к столетию Федерации тенниса России (2008) награждена высшей почетной наградой российского тенниса – медалью Макферсона.

Ее книга «Теннис в моей жизни» охватывает более чем 50-летний период жизни автора и рассказывает о том, как пятилетняя девочка однажды увлеклась прекрасным видом спорта – теннисом и пронесла свое увлечение через всю жизнь.

Надежда Егорова
политик, общественный деятель

Теннис в моей жизни

Н. Б. Ветошникова

Мои родители увлекались теннисом с молодости. Мария Николаевна Калугина и Борис Адрианович Ветошников и познакомились на теннисном корте. Это произошло в 1916 году в теннисном клубе дачной местности Терийоки.

А в 1926 году мы жили на даче под Павловском (тогда он назывался Слуцком), рядом с которым находился известный еще с 1880-х годов спортивный клуб поселка Тярлево, где было четыре теннисных корта и футбольное поле. Карты были, естественно, главным условием для выбора дачи. А на дачу ехать готовились заранее. Мама с Бабусей укладывали в две большие бельевые корзины постельное белье, одежду,

кухонные принадлежности, самовар, посуду, даже сухие продукты: крупы, кофе, чай и т. д. Ракетки и игрушки тоже, естественно, не забывали. Рано утром приезжал так называемый ломовой извозчик на телеге, запряженной ломовой лошадию. На таких телегах тогда перевозили различные грузы. Телегу нагружали, и извозчик, не торопясь, отправлялся на дачу и появлялся там, делая несколько остановок в пути, только к вечеру. Мама приезжала туда тоже к вечеру, но уже на поезде. Вещи сгружали, мама все разбирала и раскладывала по местам. На следующий день мы с Бабусей и Дидусей (так я их называла на украинский лад) приезжали

туда на поезде к обеду, с которым нас уже ждала мама. А папа приезжал вечером, после работы, и, конечно, бежал на корты. Так начиналась наша дачная жизнь.

В Тярлевском клубе был довольно большой и дружный коллектив любителей тенниса. Днем на кортах играли обычно пожилые люди, неработающие женщины и молодежь. А вечерами, после работы, из города приезжало много народу. Чтобы каждый мог поиграть, соблюдалась обязательная очередь – ракетками. Некоторые бежали на корты прямо с поезда, не заходя на дачу, чтобы успеть положить свою ракетку раньше других. Приходящие первыми занимали площадки

Мама. Терийоки. 1916 г.

Папа. Терийоки. 1916 г.

и начинали играть, а следующие клали свои ракетки прямо на землю около судейской вышки и, если ракеток оказывалось больше четырех, играли только по одному сету. Когда желающих и, соответственно, ракеток было много, то играли вчетвером: либо парные, либо миксты, и тоже только по одному сету. Ушедшие с площадки снова занимали очередь, чтобы сыграть еще один сет (а может быть, потом и еще один). И так до темноты. В белые

ночи уходили далеко за полночь. На первом корте играли лучшие игроки – и мужчины, и женщины. Их было сравнительно немного. На втором корте было уже побольше, на третьем еще больше, на четвертом игроков было больше всего. Существовал еще так называемый «Пятый корт». Он располагался на шоссе, недалеко от клуба. Это было здание бывшей дворцовой фермы: деревянное, двухэтажное, с красивыми окнами-витражами в псевдоготическом стиле, рядом с которым было маленькое пивное заведение или, попросту, пивнушка. Там, под высоченными деревьями, было несколько больших деревянных столов, с двух сторон которых стояли длинные деревянные же скамейки. Хозяин пивнушки, пожилой толстячок в белом длинном переднике и в белом, как у поваров, колпаке, виртуозно разносил по 4–6 кружек с пивом в каждой руке. Закуской, как правило, были вареные раки и черные сухарики с солью. Вечерами, после окончания игр, часто можно было услышать: «Теперь пошли на пятый корт!»

Мы с мамой приходили на теннис часам к двенадцати. Мама играла, а мне, совсем еще маленькой девочке в то время, не надоедало часами сидеть на скамейке и смотреть, как по теннисным площадкам бегают игроки, чтобы достать «трудный» мяч и перебить его через сетку на другую сторону. Мне очень нравилось, например, что подающий игрок обязательно предупреждает, что в то время было принято, своего противника возгласом: «Play!», а принимающий отвечает: «Ready!» Одиночные назывались «singles», а парные – «doubles», «lady-doubles» и «mixed». Все это еще оставалось от времен «lawn-tennis», геймы и сеты тоже имели место. А вот считали почему-то по-русски. Мне все это страшно нравилось: хотелось поскорее научиться играть. «Научи меня, пожалуйста, играть в теннис», – приставала я к маме. И моя мама мудро отвечала: «Вырастешь, сама научишься». Мне же хотелось научиться сейчас, как можно скорее! И я сама взяла в руки чью-то ракетку.

А мой любимый Дидуся, Николай Иванович Калугин, все понял. Он раздобыл где-то две ракеточки: обод имел вид настоящей ракетки, но уменьшенный раза в три, а стру-

Первый раз с ракеткой в руке. 1926 г.

ны были веревочными. И конечно, играть настоящими теннисными мячами этими ракетками было нельзя – веревки сразу же рвались. Поэтому мы играли мячиками от пинг-понга и на деревянном полу. Так Дидуся, который сам очень любил теннис, но играть практически не умел, оказался моим первым учителем. И вот каждый день, вернувшись часа в три из клуба и почти не отдохнув после обеда, мы с Дидусей начинали нашу игру, причем обязательно с «Play» и «Ready» и со счетом. И тут возникала проблема: жить на даче, на свежем воздухе, а играть в закрытом помещении, в большой пустой комнате метров тридцати, так называемом зале, который и не входил в снимаемое помещение – в нем окна вообще не открывались. А Дидуся, как я поняла намного позже, прибегал к хитрости: он предлагал мне пойти на площадку в саду перед домом и поиграть в серсо. Он говорил, что эта игра поможет мне скорее научиться играть в теннис, поможет скорее выработать внимание и быструю реакцию. А для теннисистки это необходимо. Последняя фраза была просто магической. Если это для тенниса необходимо, значит, надо бежать играть в серсо. Теперь этой чудесной игры, по-моему, никто не знает. В нее играют два игрока, у каждого из которых по деревянному стержню длиной в 60–70 сантиметров, с поперечной планочкой у рукоятки (как у шпаги)

и по несколько обручей (серсо) диаметром сантиметров по 20. Нужно, держа стержень за рукоятку одной рукой, другой насадить один обруч на конец стержня и постараться так отбросить его в сторону противника, чтобы ему не удалось «поймать» его на свой стержень. «Пойманные» обручи откладываются в сторону. Выигрывает тот, кто сумеет поймать больше обручей. Игра в серсо, действительно, вырабатывает и реакцию, и внимание, и глазомер. И чтобы «хорошо играть в теннис», я эксплуатировала моего бедного Дидусю с утра до вечера. И конечно, ему я в первую очередь на всю жизнь бесконечно благодарна, что все-таки научилась играть в теннис.

На тярлевских кортах проводились соревнования на первенство клуба. Играли на всех кортах: на первом, естественно, «первачи», на втором и третьем – игроки 3-й и 4-й категорий, на четвертом корте – игроки 5-й и 6-й категорий (по ленинградской классификации теннисистов по результатам предыдущего сезона). В 1926–1928 годах лучшим игроком клуба был Владимир Константинович Романов (чемпион России 1912 года по прыжкам в высоту, впоследствии заслуженный мастер спорта СССР по легкой атлетике). У него была 2-я категория или, как тогда говорили, 2-й класс; затем шли Герберт Фомич Ундрец и Борис Варфоломеевич Усов. Его

брат, Павел Варфоломеевич, имел 3-ю категорию, так же как и Георгий Иванович Крутелев, Борис Иванович Татаринев, Мелентьев, Щецов и другие. Из остальных я помню Николая Викторовича Гаука, Владимира Ивановича Кукушкина, Александра Николаевича Вольнова – у них была 4-я категория. У моего папы, Бориса Адриановича Ветошникова, тоже была 4-я категория. Причем он два или три года подряд на первенстве Ленинграда по 4-й категории проигрывал в полуфинале победителю первенства, и ему так и не удалось перейти в 3-ю, так как переводили только двух финалистов. Так, А. А. Ярицына (отца будущего мастера спорта СССР И. А. Ярицыной) в 1929 году перевели в 3-ю категорию. А из 3-й и 2-й категорий в высшую переводили только победителей. По 5-й категории играло много любителей тенниса, в том числе и два маминых брата Иван и Николай Николаевичи Калугины, Александр Алексеевич Потапов, Борис Михайлович Свирин и другие. К 6-й категории относились фактически новички.

У женщин в те годы первой игрокочихой, как тогда было принято говорить, в Тярлевском клубе была Елена Владимировна Ветошникова, первая жена папиного брата. У нее была 1-я категория, но она уже в 1927 году бросила играть из-за болезни ног. За ней шла моя мама – Мария

Николаевна Ветошникова, имевшая 2-ю категорию. По 3-й категории играли сестры Наталия Ивановна Крутелева и Екатерина Ивановна Петерсен, мамина сестра – Ксения Николаевна Калугина, жены двух братьев Швецовых – Наталья Александровна и Ольга Георгиевна Швецовы, Мария Адольфовна Богоявленская и Мария Ивановна Петрова, кстати, бывшая хорошей фигуристкой и в то время, если я не ошибаюсь, чемпионкой Ленинграда среди женщин по фигурному катанию. В клубе, как я уже упоминала, проводились соревнования – тренировались к интерклубам.

Так назывались встречи между тярлевцами и приезжавшими по субботам и воскресеньям из города командами Крестовского теннисклуба, «Динамо», «Пищевкуса», (Союза работников пищевой промышленности), «Рабпроса», (Союза работников просвещения) и др. Теннисисты Тярлевского клуба, в свою очередь, ездили в город, играли с крестовцами, динамовцами и командами других теннисных клубов. Однако эти соревнования устраивались обычно до первенства города. В Тярлеве игры начинались в 11 часов и продолжались часов до двух-трех, затем гостей распределяли по дватри человека, и местные теннисисты приглашали их к себе на обед, а если оставались на воскресенье, то и на ужин и ночевку. Из приезжавших

Команда Крестовского клуба у тярлевцев. Первый ряд справа – третья – мама, четвертая – я. 1926 г.

очень хорошо помню Елену Алексеевну Волкову из Крестовского, сестру и брата Валентину Ивановну и Роберта Ивановича Шлупп – динамовцев, Алексея Павловича Григорьева и Ольгу Константиновну Васильеву (оба «Рабпрос»). Ольга Константиновна была у нас на даче к обеду. Часа через полтора-два после обеда игры продолжались. Вечером хозяева шли провожать гостей на Павловский вокзал или на платформу Тярлево. Теннисистами Тярлевского клуба была придумана эмблема: на небольшом треугольнике из белой материи были вышиты сиреневый круг с белой аббревиатурой ССТС, она означала, кажется, Союз совторгслужащих. Мама своими руками вышила штук двадцать таких эмблемок.

В один прекрасный день мы, как всегда, были на кортах. Кто играл, я теперь уже не помню. Помню только, что мы с мамой сидели на скамейке у первого корта (трибун в Тярлево не было) и увлеченно смотрели на игравших. Наверное, игра была настолько интересной, что мама не заметила, как мяч, видимо левевший в аут, отскочил мне в нос. Она поняла это только тогда, когда почувствовала, что у нее по носу течет. А текла кровь из моего носа, так как я уткнулась носом в ее колени. Самое интересное: я совершенно не помню боли, но хорошо помню, что я не плакала. Меня положили на спину и стали прикладывать к носу смоченный холодной водой чей-то большой носовой платок. Кровь из носа перестала течь очень быстро, и я снова стала смотреть на игру. Хорошо помню, как кто-то сказал: «Вот и первое боевое крещение. Быть тебе чемпионкой!» Кто-нибудь на моем месте, может быть, перестал бы вообще ходить на теннис и не стал бы в него играть. А мне очень захотелось стать чемпионкой! Этот эпизод стал началом следующей: тем же мокрым носовым платком пришлось отмывать мою младшую сестренку Мусю. Ее, 10–11-месячную, еще не умеющую ходить, мама обычно оставляла с игрушками на растеленном на футбольном поле большом пикейном одеяле. Муся была особой предприимчивой: ей, видимо, надоели игрушки, и она поползла обозреть окрестности. В результате она обнаружила «тепленское» местечко – умудрилась

усесться в коровью бляшку – на футбольном поле иногда паслась корова сторожа.

Мне все время очень хотелось по-настоящему «поиграть на корте». И так как днем обычно были заняты не все площадки, то я, не стесняясь, одна шла на свободную, таща за собой папину ракетку (14 унций весом – не каждый мужчина любил играть такой). Я довольно быстро научилась подкидывать мяч и отбивать его так, чтобы он перелетал через сетку. Трудность заключалась в другом: с задней линии это не получалось, приходилось стоять метрах в двух от сетки. Но потом я стала постепенно увеличивать расстояние и могла это делать, уже стоя между линиями подачи и задней. Перекинув мяч на другую сторону, я бежала за ним и проделывала следующий удар с другой стороны площадки. Я начала надоедать маме, чтобы она посмотрела, как это все у меня получается. Но моей маме, самой очень увлеченной теннисом, возиться со мной было некогда, и она, сказав: «Вот видишь, как все это просто. Продолжай, продолжай – и ты скоро будешь хорошо играть», – убежала на первую площадку, где ее уже ждала одна из напарниц. Зато вечерами мы с Дидусей играли маленькими ракетками в саду. Ему тоже очень хотелось, чтобы его любимая внучка научилась играть в теннис поскорее. А в пустой комнате внизу он поставил большой лист фанеры, где я могла без усталости отбивать один мяч за другим. И так продолжалось изо дня в день. Куклы и другие развлечения были заброшены. Кроме серсо, но только потому, что оно «развивает глазомер, ловкость и точность», а я понимала, что для тенниса это необходимо. Тем более что об этом говорил мой Дидуся. А то, что говорил мне Дидуся, я обычно принимала на веру. Я знала, что он всегда желал мне только добра. С полной ответственностью сознаю, что именно Дидуся стал для меня первым тренером. И я ему не только за это, но и вообще за все в жизни чрезвычайно благодарна.

Однажды, увидев мои старания на корте, ко мне подошел один старичок (вспоминая его сейчас, думаю, что ему было не больше пятидесяти, а то и меньше). Он стал мне подкидывать мячики. Я была в диком восторге, что могла (правда,

Я с моим любимым Дидусей.
1925 г.

Дидуся, Муся и я.
1927 г.

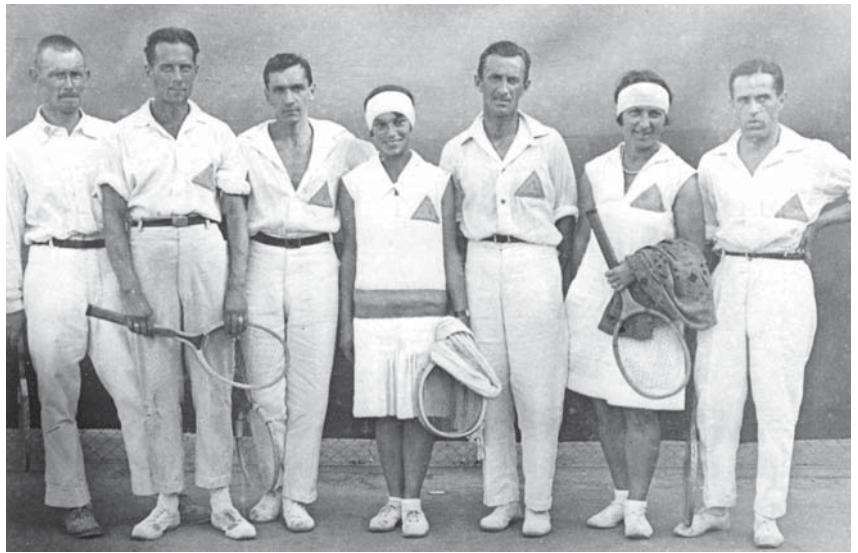
не каждый мячик подряд) откидывать ему через сетку: «Стала играть! Ура!» На следующий день он подарил мне хорошенькую маленькую ракетку с длиннющей ручкой, сказав, что его мама уже давно использует ее в качестве выбивалки пыли из мебели. Я была на десятом небе. «Старичок» несколько раз приходил со мной играть, а потом исчез и никогда больше не появлялся. А я даже не спросила, как его зовут. Уже сейчас, вспоминая и сопоставляя события тех далеких лет, мне приходит в голову, что, может быть, он был именно тем человеком, который погиб от угарного газа при пожаре в

Павловске. Это событие тогда долго обсуждалось всеми теннисистами. А погиб тогда Оборин. Говорили, что он был братом знаменитого пианиста Льва Оборина.

Видя мои успехи на корте, Дядя сделал мне сюрприз: подарил, специально заказанные на мою ногу белые парусиновые туфельки – такие же, какие были у мамы и других теннисисток. Внешне они были похожи на балетные – с завязочками, но подошва была из просмоленных толстых веревок. Она не сгибалась, и, бегая, приходилось приспосабливаться. Зато мне очень нравился запах этих подошв. Когда мы уезжали осенью с дачи, я эти туфельки забыла в ящике шкафа. Для меня это было настоящей трагедией. Но спасло то, что нога у меня росла быстро и на следующий год все равно пришлось играть в сандаликах.

Тярлевские теннисисты подерживали дружбу и зимой: бывали друг у друга, встречались на вечеринках в складчину. Раза два собирались у тети Ляли и дяди Мити (Елена Владимировна и Дмитрий Адрианович – папин брат) Ветошниковых.

Зимой 1928–1929 годов маму пригласили играть в «Динамо». Динамовцы тренировались на деревянном полу, в манеже бывшего 3-го Кадетского корпуса (теперь – Спортивный клуб Военно-космической академии им. А. Ф. Можайского). Как сейчас помню: однажды мама вернулась из манежа (обычно это бывало около 10–11 часов вечера) и сказала, что у Зики (Зинаиды Георгиевны) Клочковой родилась дочка (Ира Мультино родилась 28 марта 1929 года). А летом 1929 года мы уже не поехали на дачу и стали каждый день с утра и до вечера ездить на стадион «Динамо». Мама тренировалась с Зикой, с Валентиной Ивановной Шлупп и с динамовскими мужчинами – Николаем Николаевичем Шестовым, Владимиром Михайловичем Левыкиным и Константином Ивановичем Воробьевым, которые имели обыкновение тренироваться и с женщинами, не говоря уж об игроках 2-й категории. По результатам сезона маму перевели в 1-ю категорию, по которой она принимала участие в соревнованиях до 1932 года. Потом она долго болела и позднее играла по 2-й категории (до 1935 года) и

Сборная команда Ленинграда: Н. Шестов, В. Левыкин, В. Мультино, О. Ольсен, Е. Кудрявцев, О. Федоровская, Б. Шпигель. 1929 г.

даже по 3-й (до 1954 года). Ездить на стадион было трудно: от дома до Введенской улицы шли остановку пешком. Там мы с большим трудом втискивались в набитый трамвай. Тогда с передней площадки входить никому не разрешалось. Мама, пропуская меня вперед, поднималась, держа Мусю на руках. Со всех сторон напирала, толкались, Муся начинала плакать. Я кое-как пыталась протиснуться, иногда это удавалось с большим трудом. Наш трамвай № 12, приходивший от Тучкова моста, поворачивал налево на Рыбацкую и Зеленину улицы, после чего шел на Барочную ул., на кольцо. От Барочной и до Елагина моста шел подкидывш, причем по одной колее. На маршруте было две остановки – разъезды, на которых вожатые передавали друг другу палочку, вроде эстафеты, что означало – путь свободен. Мы выходили на углу пр. Динамо, по-моему, он тогда еще назывался Александровским, и долго шли по аллее до стадиона, вход на который был напротив теперешнего Круглого павильона.

С лета 1929 года у меня началась совершенно другая жизнь. Я первый раз присутствовала на матче Москва – Ленинград. Родители взяли меня с собой в Крестовский теннис-клуб, и я своими глазами увидела весь цвет тенниса. Москвичи Е. Д. Александрова, А. Ланшина, Преображенская, А. В. Правдин, Е. С. Ованесов, Н. Ф. Бочаров, Н. Н. Иванов, Е. С. Тихонов и другие (С. В. Мальцева тогда почему-то не

приехала, а Н. С. Теплякова начала приезжать с 1930 года). Ленинградцы: В. И. Шлупп, О. П. Федоровская, О. Е. Ольсен, Е. А. Кудрявцев, В. К. Мультино, В. М. Левыкин, Б. А. Шпигель, Н. Н. Шестов, К. И. Воробьев. До сих пор они, как живые, стоят перед моими глазами: молодые, веселые, радующиеся возможности повидаться друг с другом. Я смотрела на них, и мне хотелось играть так же хорошо, как они. С тех пор я бывала на всех матчах Москва – Ленинград, которые проводились в Ленинграде.

Очень хорошо помню О. П. Федоровскую, с которой родители мои были знакомы еще со времен игры в Терийоках, В. И. Шлупп и Т. К. Суходольскую, а из мужчин Н. Н. Шестова, К. И. Воробьева.

В некоторые годы матчи Москва – Ленинград проводились по два: один у нас, другой в Москве. Тогда я даже мечтать не могла, что когда-нибудь сама буду в них участвовать. А ведь участвовала, и даже много раз! Больше всех мне понравилась тогда игра Александровой и Правдина. Ованесов играл хорошо, но под каждый удар громко пыхтел. Это мне не понравилось и повлияло даже на мое отношение к его игре. Смотрю сейчас на игру Шараповой и других молодых девиц, позволяющих себе «громкие выдохи» при каждом ударе, и невольно вспоминаю Ованесова. На мой взгляд, это неэстетично и способствует потере их привлекательности. Само собой напрашивается сравнение: теннис

Б. А. Шпигель и Т. К. Суходольская. 1929 г.

набирали очки. Пары Кудрявцев – Шпигель (1924), Кудрявцев – В. Косяков (1925), Кудрявцев – Мультино (1928, 1932) и миксты его же с Ключковой, Т. Суходольской и М. Мейер, а позднее с Т. Налимовой и Г. Коровиной были непобедимы. В двадцатые годы почти вся сборная города играла в «Динамо», и я могла часами сидеть на трибуне и наблюдать за тренировками теннисной элиты.

В те времена стадион «Динамо» занимал территорию в четыре раза меньшую, чем сейчас: футбольное поле с трибуной с одной его стороны по длине стометровки, четыре теннисные площадки, одна баскетбольная и одна волейбольная площадки плюс травяное поле для гандбола, где занимались и метатели, а иногда тренировались и футболисты.

долгое время был красивой игрой, а теперь становится тяжелой работой. Большое впечатление у меня осталось от игры Александровой в миксте с Тихоновым. Она играла очень умно и умела послать мяч именно туда, где его не ожидали. Ее обводка по коридору и свечки (через голову стоящего у сетки противника), причем не высокие, но эффективные, так как они приземлялись на задней линии в самом дальнем углу площадки, были практически недосыгаемыми. Думаю, что именно тогда, еще подсознательно, я поняла, что обязательно буду играть в миксте и «играть так, как Александрова». Она мне нравилась

Таким я увидела стадион «Динамо» в 1929 г.

Е. Д. Александрова. 1929 г.

и в одиночной игре. Никто не умел тогда играть такими длинными, пласированными, попадающими на самую заднюю линию ударами.

Мальцева играла очень хорошо, но иначе: у нее был мужской стиль игры – сильные длинные удары по линии чередовались с резкими кроссами; она выходила, и результативно, к сетке, играла разнообразно и точно. Я удивляюсь до сих пор, как я в те годы могла это все уловить, понять и запомнить на всю жизнь.

Но надо отдать должное и ленинградцам: они умели играть и парные и миксты и этим уверенно

Все это хозяйство содержал в удивительном порядке Павел Антонович Аггеев – для нас, детей, просто дядя Павел, который жил со своей женой – тетей Дашей и дочкой Настей (будущей мамой Кики Комара) в Теннисном домике, где у них была небольшая комнатка метров пятнадцати и кухня.

Дяде Павлу помогал молодой парень Коля, живший летом с женой и сынишкой лет 3–4-х в малюсенькой комнатенке под футбольной трибуной. Кроме Коли помогать дяде Павлу иногда приходил его племянник Ваня, который потом

Павел Антонович Агеев,
наш дядя Павел. 1925 г.

работал на стадионе кладовщиком спортивного инвентаря лет 50, если не больше. Я его всегда называла «дядя Ваня», а он меня просто «Тасенькой», как меня звали все домашние и все теннисисты. Теннисные площадки дяди Павла были лучшими в городе. Поиграв на них, на других уже не хотелось играть. После войны, когда дяди Павла уже не было в живых, площадки содержались в том же отличном состоянии усилиями бригады нескольких женщин, под руководством очень старательной, незаметной на вид и очень доброй женщины – Матрены Степановны Львовой, нашей Мотеньки, которая в конце 1930-х годов работала с дядей Павлом и очень многому от него научилась. А в последующие годы дело дяди Павла и Матрены Степановны с успехом продолжала ее ученица – Полина Васильевна Мостовая. Качество наших кортов отмечали все, кому доводилось на них играть.

В 20–30 годы «Динамо» занимало среди других спортивных обществ города ведущее место по многим видам спорта. Это относилось и к теннису. С самого начала существования общества в «Динамо» играли Е. А. Кудрявцев, В. И. и Р. И. Шлупп, З. Г. Клочкова и В. К. Мульгино, а также В. М. Левыкин. Именно они на долгие годы предопределили ведущее положение теннисистов-динамовцев. Е. А. Кудрявцев долгое время был кумиром зрителей: всегда подтя-

нутый, элегантный, ни на кого не похожий теннисист. Он играл очень красиво и, главное, очень умно. Он всегда умел поставить противника в неудобное положение и эффектно закончить розыгрыш мяча; прекрасно играл у сетки и на хавкорте. Я никогда не видела, чтобы кто-то другой так блистательно владел хавволеем. Этим не владел никто у нас, этим не владеют и современные тен-

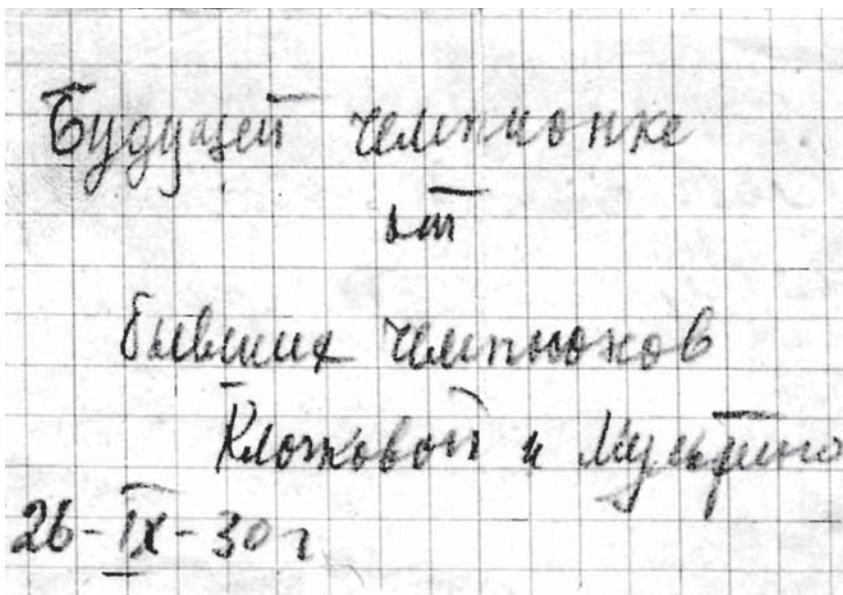
нисисты мирового класса. Кудрявцев, начав играть совсем мальчиком на теннисных кортах Лахтинского теннис-клуба «Клеверный листок», вскоре стал обыгрывать взрослых и превратился в одного из ведущих теннисистов страны. Он был «универсальным» игроком, одинаково блестяще игравшим и в одиночном разряде, и в парном, и в миксте. Евгению Акрадьевичу, первому из советских теннисистов, в 1934 году было присвоено звание заслуженного мастера спорта СССР.

Вспоминается матч Москва–Ленинград в 1930 году, проводившийся на стадионе «Динамо». Евгений Аркадьевич играл с К. Заржецким: было по сету, и в решающем сете москвич вел 5:1 и 40:15, а выиграл Кудрявцев, играя свободно, решительно и все время наступая. Публика устроила ему овацию.

Помню З. Г. Клочкову, игравшую тогда с С. В. Мальцевой. Во время той встречи я подавала им мячи. А после игры и Мальцева и Клочкова благодарили меня и говорили, что с моей помощью играть было гораздо удобнее. (В те времена мальчиков для подачи мячей на соревнованиях еще не существовало.) И сколько же было потом разговоров по поводу того события. Я рассказывала о нем направо и налево – всем: и тем, кто почему-либо не присутствовал на игре, и всем знакомым, как бы они ни относились к теннису: «Мне позволили по-

Евгений Аркадьевич Кудрявцев.
1936 г.

Записка тети Зики и Вячеслава Константиновича. 1930 г.

давать мячи. И кому бы вы думали? Знаменитой москвичке Мальцевой, самой Софье Васильевне!» А 26 сентября 1930 года, в день, когда мне исполнилось 9 лет, я получила от тети Зики, как я ее называла, и от ее мужа – Вячеслава Константиновича Мультино в подарок новенькую ракетку в 12 унций весом. К ней была приложена маленькая записочка, на которой рукой тети Зики было написано: «Будущей чемпионке от бывших чемпионов Клочковой и Мультино». Эту записочку я храню до сих пор как одну из самых ценных реликвий в моей жизни. Ну как после этого было не стараться?

Каждый день с утра до вечера мы проводили на стадионе, вернее, на кортах. И, главное, со мной играют взрослые: в первую очередь, это Вера Яковлевна, жена Ивана Ивановича Богоявленского, знаменитого в то время фигуриста. По-моему, он в двадцатые годы был не только чемпионом Ленинграда, но и чемпионом Союза. У Ивана Ивановича была 3-я категория по теннису, а в то время игроки 3-й категории были очень сильными. Кроме того, Иван Иванович прекрасно фотографировал. Осталось очень много выполненных им фотографий, в том числе и теннисистов. У Веры Ивановны была 5-я категория, и она очень огорчалась, что проигрывает восьмилетней девочке. Она сердилась, даже злилась, бросала игру, но потом снова просила, чтобы я с ней поиграла. А я-то как старалась. И очень гордилась тем, что обыгрываю взрослую. Но гордилась я про себя, не хвасталась. Рассказывала только Дидусе, и он очень радовался моим успехам.

У Богоявленских была дочка Аллочка – ровесница моей младшей сестры Муси. Зимой она, пятилетняя, очень хорошо «фигуряла» на коньках. Ей прочили блестящее будущее в фигурном катании, но, к сожалению, у нее было не все в порядке с сердцем, и ей пришлось отказаться от спорта. Впоследствии мы с Аллочкой эпизодически встречались. В 1970–1980-е годы вместе работали на Матмехе ЛГУ. Алла Ивановна преподавала английский язык, а я – немецкий. К сожалению, в 1991 году Аллочка умерла. Кроме Веры Ивановны моим партнером тогда был Леня Марков – мой ровесник, племянник дяди Павла. Мы с ним играли приблизительно

Леня Марков, я, Наташа Рубинская, Алла Богоявленская и моя сестра Муся. 1931 г.

на одном уровне. Потом Леня куда-то уехал. А жаль, он смог бы стать хорошим теннисистом.

Хочется вспомнить матч Москва – Ленинград в 1931 году. Он был усложнен тем, что в зачет были включены легкоатлетические дисциплины: бег на 100 метров, прыжки в длину и в высоту и стрельба из мелкокалиберной винтовки на 50 метров. Моя мама хорошо стреляла и дала, соответственно, какие-то зачетные очки в общую копилку ленинградской команды. А на стадионе было необычно видеть тен-

нисисток, игравших в то время в длинных платьях, а теннисистов – в брюках и рубашках, одетыми в футболки и трусы. В команде Москвы тогда была молодая Л. Дмитриевская, очень успешно выступавшая в беге и прыжках и давшая своей команде значительное количество очков. Москвичи тогда выиграли со счетом 13:11. И почему-то очки «прикладных соревнований» нигде не публиковались, видимо, не учитывались.

Через некоторое время после отъезда москвичей в Ленинград

Команда Москвы. С. Мальцева, Н. Теплякова, Е. Александрова, Л. Дмитриевская, П. Чистов, Е. Ованесов, В. Неврев, В. Мельников, Е. Тихонов, Н. Джаксон, Н. Иванов с представителем Г. Бобровым. 1931 г.

В. Левыкин, А. Тизенгаузен, Е. Кудрявцев, А. Тизенгаузен, В. Мультино, А. Боярский, З. Клочкова, Ф. Григорьев (массажист), М. Ветошникова, З. Хайкин, Э. Тис. 1933–1934 гг.

приехала из Швеции довольно большая группа (человек 30) из гимнастического кружка (или общества?) «Сокол», которым руководил некто Нильс Брук. Девушки в легких светло-сиреневых туниках до колен очень грациозно исполняли различные гимнастические упражнения, в том числе с перестроениями. Были упражнения и с предметами: с обручами и булавами. Все это происходило на футбольном поле, на специально сооруженном помосте перед трибуной, и было чрезвычайно красиво и необычно. Думаю, что с таких упражнений и возникла идея современной художественной гимнастики.

В том же 1931 году ленинградцы принимали у себя команду Тифлиса – так тогда назывался Тбилиси. Приезжал фактически весь цвет Грузии: Тамара Гоголаури, впоследствии Атанасян, А. Акопова, Э. Негребецкий, А. Мдивани, Я. Гомер, Борис Серебренников – старший брат позднее игравшего Владимира Серебренникова. Встречи были очень интересными. Публика сердечно принимала гостей, особенно Негребецкого и Мдивани, показавших в паре, несмотря на молодость, зрелую и очень темпераментную игру. Негребецкий демонстрировал силу и мощь, а Мдивани – исключительную реакцию в игре у сетки. Кстати, они первыми вышли на корт в трусах и майке, после чего и наши стали постепенно переходить на такую форму. Правда, Кудрявцев воспользовался новой модой только наполовину – играл в майке, но в брюках. По окончании встреч грузинскую пару пригласили играть за ленинградское «Динамо», и они приняли приглашение, став на долгие годы украшением ленинградской команды.

Мы продолжали ежедневно ездить на стадион, тем более что на веранде Теннисного домика со стороны Малой Невки работал небольшой буфет, где всегда можно было подкрепиться: съесть яичницу, бутерброды с сыром или ветчиной и выпить чаю, какао или лимонаду.

Теннисный коллектив динамовцев был очень дружным. Зимой, например, кроме тренировок в манеже делали вылазки на лыжах, пробовали играть в теннис на коньках.

Помню парную встречу между Кудрявцевым – Мультино и Негребецким – Мдивани. Однако теннис на коньках не имел продолжения: мячики тяжелели, становясь сырыми, а это влияло на струны – они

лопались. А капроновых струн тогда еще не было.

Клочкова и Мультино часто приглашали к себе. Они жили в Лесном, в двухэтажном деревянном домике, принадлежавшем еще до революции родителям Вячеслава Константиновича. Взрослые, естественно, приезжали вечерами. Нас, детей, мама возила с утра на целый день. Вокруг дома был небольшой садик, ухоженный заботливыми руками мамы Вячеслава Константиновича – Инны Николаевны. В саду множество всяких ягод и грядок с огурцами и помидорами и, соответственно, уйма всяких варений и солений, приготовленных тоже ею. Возвращались мы домой всегда нагруженные банками и кулечками. Зимой ходили кататься с горки на санках. Когда шли обратно, маленькую Иру Мультино и Мусю, мою сестру, сажали на санки, и их везла красавица Джолли – роскошная овчарка, очень любившая детей. Теннисисты бывали и у нас в доме. Помню однажды большую компанию за длинным столом: Е. А. Кудрявцев с женой Зоей Васильевой, пара Мультино, Зикин младший брат Леонид (он в теннис не играл, в отличие от старших – Александра и Бориса), Негребецкий и Мдивани и еще кто-то – уж не помню. За

Э. Негребецкий, Е. Кудрявцев, В. Мультино, А. Мдивани. 1933–1934 гг.

ужинком я обычно присутствовала, а когда начинались танцы, шла спать. Но в тот вечер они не только танцевали – стихийно возник «вечер самодеятельности», в котором все принимали участие. Помню, как Негребецкий пел красивые и задушевные грузинские и русские народные песни, а тетя Зика мелодраматично декламировала под аккомпанемент мамы чудесное стихотворение Анны Ахматовой «Сероглазый король», которое произвело на меня впечатление на всю жизнь. Мама пела мой любимый романс Рахманинова «Весенние воды», а Арчил Мдивани танцевал лезгинку. Как будто и не пролетело с тех пор более 75 лет! По-моему, то была последняя вечеринка, когда теннисисты собирались вместе. Вскоре, после убийства С. М. Кирова, начались массовые репрессии и высылки из Ленинграда, и развлечения как-то сами собой прекратились.

В те годы спортсменов в «Динамо» было не очень много. Из тех, кто в теннис не играл, хорошо помню баскетболистов – Веру Григорьеву (потом Забелину), Владимира Бирюкова, Георгия Тищинского, Гостилина, братьев Штединггов – Анатолия и Германа, Павла Короткова; из волейболистов – Николая Николаевича Петрова, Евгению Семенову; из легкоатлетов – Тамару Орлову, Веру Кондакову, Людмилу Куликову, Ольгу Шахову, Эдмунда Рохлина, Алексея Максунува, Якова Козлова, Григория Мееровича, тренера А. Д. Кроне, а потом Григория Исаевича Никифорова; из метателей – Веру Галку, Белиду, Сергея Стольников. Помню богатыря Василия Архипова, всегда несшего на парадах динамовское знамя. Очень хорошо помню стрелков: Александра Ильича Рыжова, Дмитрия Васильевича Петунина и Федора Тращикова. Помню и организатора динамовской футбольной команды Петра Яновича Имбрата, старейших футболистов Павла Васильевича Батырева, А. Корнилова, П. Ежова, Д. Родионова, А. Гуськова, М. Юденича, К. Егорова и многих других. А также известнейшего историографа футбола Александра Алексеевича Гаврилина.

Никогда не забуду и невысокого, полненького судью Александра Яковлевича Горфункеля. Когда он судил, на трибуне часто раздава-

А. А. Гаврилин. Начало 1930-х гг.

А. Я. Горфункель. Конец 1920-х гг.

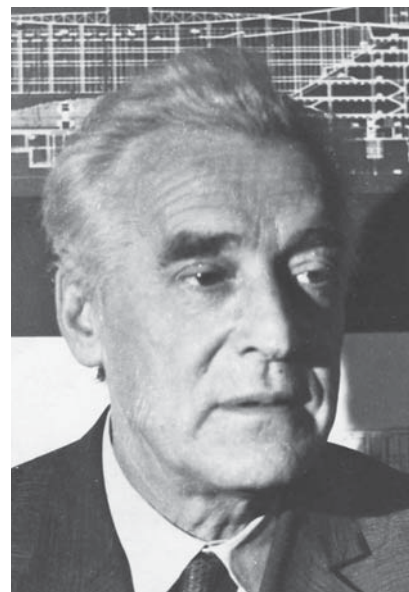
лось: «Судья, убери живот! Живот в офсайде!»

Помню и пловцов того времени: Антонину Пояркову, Клавдию Алешину, Тамару Полыгалову, Валентину Есаулову, Владимира Китаева, Александра Шумина, Павла Неймана, Генриха Остен-Сакена, ватерполистов братьев Виктора и Ивана Родимцевых, прыгунов в воду Ивана Штеллера и Абрама Щербинского. Все хорошо знали друг друга. Вспоминается, как теннисисты болели за пловцов, легкоатлетов, волейболистов, футболистов, а те, в свою очередь, болели за теннисистов и многие сами играли в теннис и имели разряды.

Так, например, один из самых первых мастеров спорта по баскетболу Алексей (Лека) Морозов имел первую категорию и по теннису.

Он в течение ряда лет входил в десятку лучших теннисистов Ленинграда. В будущем – выдающийся конструктор, автор многочисленных общественных сооружений в России и в других странах, в том числе спортивных в нашем городе (спорткомплексы «Юбилейный» и «СКК»), Действительный член Академии строительства и архитектуры, дважды лауреат Государственных премий. Возглавлял созданный им Координационный союз конструкторов СССР.

Тоже известная баскетболистка – однофамилица и тезка Евгения Аркадьевича Кудрявцева – Евгения Кудрявцева имела 3-ю категорию. По 1-й категории играл отличный лыжник Константин Воробьев. Известнейший футболист, позднее тренер, Михаил Павлович Бутусов принимал участие в соревнованиях по 3-й категории. По 3-й же категории играл и известный всем спортивный комментатор Виктор Набутов, который в начале 1930-х годов успешно играл в баскетбол и волейбол, а в конце 1930–1940-х годов не менее успешно защищал футбольные ворота команды ленинградского «Динамо». Он стал мастером спорта по всем этим трем видам. Позднее в теннис играл такой известный футболист, как Василий Лотков. Он потом говорил: «Не

Академик А. П. Морозов

ожидал, что перекидывать мячик через сетку, оказывается, совсем нелегкое дело». Играли в теннис и футболисты Виктор Федорович и Дмитрий Васильевич Федоровы. А футболист московского «Динамо» Лев Корчебоков имел 1-ю категорию и участвовал в теннисных матчах Москва – Ленинград. После войны очень прилично играл в теннис футболист «Зенита», а потом московского «Спартака» Сережа Сальников. Негребецкий предлагал ему бросить футбол и серьезно заняться теннисом. Сережа отвечал: «Футбол не брошу, а стану старым – перейду на теннис». В теннис играл и заслуженный мастер спорта по гребле Евгений Сергеевич Салтыков и знаменитые пловцы Василий Петрович Поджукевич и Леонид Арабаджи, а также многие другие известные спортсмены.

Хочется вспомнить еще две интересные детали жизни тех лет: в начале лета в конце 1920 – начале 1930-х годов на Малой Невке, около пляжа стадиона работала артель рыбаков. У них можно было купить корюшку, и многие шли домой, нагруженные благоухающими пакетами. А летом, возвращаясь со стадиона, мы обязательно заходили к симпатичной старушке Ольге Федоровне, у которой с левой стороны пр. Динамо (напротив здания школы из красного кирпича у трамвайной остановки) была довольно большая территория садоводства. Маленьких двухэтажных корпусов тогда еще не было. Мы покупали у нее не только цветы, но и очень вкусную редиску, зелень и душистую землянику. А ее нежинские огурчики я вспоминаю всю жизнь – таких я никогда и нигде больше не ела.

Но я отвлеклась от тенниса. Кроме Веры Ивановны со мной часто играл фигурист – Юрий Евгеньевич, фамилии не помню. Он очень старался, но почему-то я его обыгрывала. А зимой он тщетно пытался научить меня всяким «двойным троечкам» и «восьмерочкам», но на льду у меня ничего не получалось – душа моя всецело принадлежала теннису. Я с нетерпением ждала весны и лета, когда можно будет все дни проводить на корте. Вечерами меня уводили со стадиона буквально со слезами. Я просила разрешения доиграть «еще один сетик», «еще один геймик»,

«еще последние три мяча», «еще самый-самый последний мячик». И так каждый день. А со стадиона надо было еще дойти до трамвайной остановки. Как я не уставала за день? Зато маленькую Мусю, у которой ноги буквально заплетались, кто-нибудь из мужчин нес со стадиона до остановки на руках. Уже будучи взрослой, она, вспоминая те чудесные годы, шутила: «В далекие тридцатые все динамовские мужчины носили меня на руках».

В 1932 году на стадионе «Динамо» была организована так называемая «Детская площадка», прообраз детского городского пионерского лагеря. На площадку принимали детей работников ОГПУ. Но так как мы с Мусей находились на стадионе ежедневно с утра до вечера, нам, в виде исключения, разрешили посещать площадку, которая была расположена в левом углу стадиона, на самом берегу Малой Невки. На огороженной, довольно большой территории был построен маленький домик-кладовая, метров так в десять квадратных. В ней хранились шезлонги, всевозможные настольные игры, мячи, скакалки, гантели и пр. Детская площадка была платной, дети получали двухразовое питание: утром, после линейки, – завтрак, днем – обед. В 6–7 вечера ребята постарше разъезжались по домам, за маленькими приезжали родители или родственники. Было образовано три отряда: в первом – ребята 13–16 лет, во втором – 8–12 лет и в третьем – малышня от 3–4 до 7 лет. У каждого отряда была своя воспитательница. Заведующей Дет-

ской площадкой была чудеснейшая молодая женщина – Елизавета Васильевна Печникова, которая была и воспитательницей первого отряда. Во втором отряде воспитательницей была Лидия Николаевна Онохова (ее муж Сергей Александрович Онохов был инструктором по легкой атлетике и прилично играл в теннис), в третьем – Ирина Николаевна Богданова.

Ребята приходили на площадку ежедневно. В 9:30 была линейка, на которой отмечались отсутствующие (что бывало крайне редко) и объявлялся распорядок дня, то есть порядок проведения тех или иных занятий или экскурсий. Затем шли на завтрак, после которого были занятия по интересам. Старшие ребята, как правило, занимались в разных спортивных секциях. У легкоатлетов занятия проводили Леонид Гольдштейн и Тамара Сергеевна Орлова, чемпионка Ленинграда в беге на 500 метров. Плаванием занимались у Василия Петровича Поджукевича – на Малой Невке, кроме бассейна для взрослых, был еще «лягушатник» для начинающих.

Наставником по стрельбе был замечательный инструктор (тогда не говорили – тренер) Дмитрий Васильевич Петунин, дети которого тоже посещали площадку. Аля была старше меня на полтора года, Нина – моя ровесница. Мы все были в старшей группе; в средней группе были Миша и, если не ошибаюсь, – Саша и Лида, а Лили была совсем крохой – ее опекала Аля. Они все, кроме Али, были очень похожи друг на друга. Я любила заходить в тир

Водная станция «Динамо». Начало 1930-х гг.

стрелять, и Дмитрий Васильевич предлагал мне основательно заняться стрельбой, так как у меня был, как он говорил, «хороший глаз». Мой лучший результат из мелкокалиберной винтовки на 25 метров был тогда 48 из 50. Но никто и ничто не могло отвлечь меня от тенниса. Некоторые ребята занимались баскетболом и волейболом. Я пробовала все: по легкой атлетике имела хорошие результаты в беге на 500 метров и особенно в прыжках в длину, даже предлагали заняться этими дисциплинами. Играла в волейбол, но баскетбол мне нравился больше. Баскетболу нас учил вначале дядя Лека Морозов, позднее Виктор Набутов.

В начале 1930-х годов Витя успешно играл в баскетбол и волейбол, в конце 1930-х не менее успешно защищал футбольные ворота команды ленинградского «Динамо». Тогда же он пристрастился к теннису и принимал участие в соревнованиях по третьей категории. Он был старше меня на пять лет и очень опекал тех, кто помладше. Все тренеры, занимавшиеся с ребятами, работали, естественно, безвозмездно. Уже только в 1934 году, когда был организован «Юный динамовец», предусмотрели штатные должности тренеров.

К моему удовольствию, человек пятнадцать из наших ребят захотели научиться играть в теннис. С девочками стала заниматься Зинаида Георгиевна Клочкова, с мальчиками – Евгений Аркадьевич Кудрявцев и Эдуард Эдуардович Негребецкий. Из девяти девочек, начинавших тогда играть, к сожалению, только я одна осталась навсегда верной теннису. Марина Афремова после эвакуации не вернулась в Ленинград, очень долго болела и в результате бросила теннис. Она жила в Москве и всегда приходила во время соревнований болеть не только за меня, но и за всех ленинградцев. Ее уже давно нет в живых. А с Лилей Гириной мы встретились на московском стадионе «Динамо» в пятидесятых, потом долгое время не общались, она живет в Москве, стала известной писательницей Валерией Перуанской. Лет десять тому назад, когда я была в Москве, я к ней зашла. С тех пор мы перезваниваемся, иногда пишем друг другу письма и очень жалеем, что живем в разных городах.

Витя Набутов. 1933 г.

Из мальчиков надежды подавали трое, но Алек Сапотницкий и Саша Орберг погибли во время войны, а Алек Лурье, окончив школу в 1938 году, поступил в Театральный институт и ради сцены пожертвовал теннисом, несмотря на то, что в первом первенстве Ленинграда для детей, устроенном в 1935 году, он стал чемпионом Ленинграда, что повторилось и в 1936–1937 годах. Алек был моим первым микстером – мы были тогда чемпионами города. Мой первый микстер ежегодно поздравляет меня с днем рождения из Москвы по телефону. А в прошлом году я его поздравила с 90-летним юбилеем!

Позанимавшись в секциях, ребята бежали обедать, аппетит был у всех отменный. Еще до того, как приносили суп, съедали целую – горкой – тарелку хлеба, намазывая его горчицей, а потом, стыдно даже вспоминать, практиковали такое: садились за столик, предназначенный для четверых, втроем и говорили, что четвертый, мол, куда-то отлучился (между собой мы его называли «поручик Киж» – мифическая личность. В то время на экранах как раз появился фильм с таким названием). Когда приносили четыре порции, мы четвертую «соображали» на троих. После обеда был «тихий час». Малышей укладывали на топчанчики, те, кто постарше, устраивались в шезлонги, а самые старшие шли в Теннисный домик, рассаживались за большим овальным столом в холле

и играли в чудесную игру под названием «Квартет». Через час-полтора теннисисты опять бежали на корты. Если корты были заняты, то мы устраивали самодельную площадку на дорожке между кортами и баскетбольной площадкой. Конечно, она была «мини», размечалась произвольно, на глазок: чертили, вернее, проводили линии-бороздки ручкой ракетки и заполняли эти бороздки водой из маленькой лейки. Двое играли, третий судил, остальные (человек 5–6) дежурили: один заливал линии водой, так как она быстро испарялась, другой бегал со второй, пустой лейкой в раздевалку за водой. Так мы проводили время до самого ухода со стадиона.

Летом 1933 года на стадионе однажды появился один мальчик: сказал, что его зовут Юрой, фамилии он, по-моему, не назвал, приехал из Москвы и хочет с кем-нибудь из ребят поиграть в теннис. Кто-то устроил нашу встречу. Играла мы на четвертом корте, был судья на вышке. Была публика, правда в основном ребята с площадки во главе с нашей Елизаветой Васильевной. Запомнились еще Е. А. Кудрявцев с женой, Зоей Васильевной, и Казимир Иванович Ковальский. Сыграли мы по сету и на этом кончили, Юра почему-то играть дальше не захотел. Во время игры нас кто-то фотографировал. Юру я больше никогда не встречала – ни в Москве, ни в других городах. Наверно, вообще перестал играть в теннис.

Рядом с площадкой был гимнастический уголок: шведская стенка, канат, шест, кольца. Здесь некоторые ребята занимались физподготовкой, которую вел Василий Никитин. К сожалению, не помню его отчества. Он давал много всяких упражнений, мы бегали, играли в разные развлекательные игры, разделившись на две команды. Кроме этого, занимались на гимнастических снарядах. Мне нравилось работать на коне, а вот через козла прыгать у меня никак не получалось. И по буму не умела ходить – была трусихой и боялась со всего размаху грохнуться на него. Так я никогда и не осилила эти снаряды. Зато очень быстро научилась лазать по шесту и канату. Никитин не понимал, почему у меня хорошо получается то, что для других трудно, и не получается то, что всем дается легко. Забегая не-

много вперед, не могу не вспомнить один эпизод уже из институтской жизни: на занятиях по физкультуре для «зачета» нужно было пройтись по буму. Я, конечно, не смогла этого сделать, и преподаватель разрешил заменить бум канатом, сказав, что «это будет гораздо труднее». Он был очень удивлен, когда я легко поднялась по канату, да еще без помощи ног, и только развел руками! Зимой мы занимались с Никитиным в физкультурном зале бывшего 1-го Кадетского корпуса на Съездовской линии Васильевского острова.

В начале августа 1934 года сборная команда нашей площадки по волейболу и легкой атлетике ездил на два дня в пионерский лагерь ОГПУ под Лугой. Если я не ошибаюсь, он был расположен в местечке Рапти.

Выехали мы, человек 15–16, днем вместе с Елизаветой Васильевной. Поезд тогда шел до Луги более четырех часов. Когда приехали, было уже темно. Нас накормили ужинком и в полной уже темноте повели ночевать на сеновал. Разместились наверху под крышей – залезали туда по высокой лестнице: с правой стороны девочки, с левой – мальчики. Долго не засыпали, все разговаривали, рассказывали всякие интересные истории и анекдоты. Рассмеется кто-нибудь один, за ним грохнет общий хохот. Заснули, наверное, часам к пяти. Конечно, не выспались, но это нам не помешало сразу же вскочить, когда стали будить. Побежали мыться, завтракать. Потом начались соревнования по бегу и прыжкам – результатов,

естественно, не помню. После обеда был тихий час (для нас опять на сеновале), по окончании которого мы играли в волейбол. Наши мальчики проиграли, девочки выиграли.

Потом мы уехали домой и вернулись уже часов в 10 вечера. На всю жизнь осталось впечатление радости и веселья. В город привезла большой огурец, который мне подарил (сорвав с лагерного огорода!) один мальчик. Он был младше меня, на длинных ножках, остроносенький, и звали его Ваней. Потом я его никогда в жизни не встречала, хотя с некоторыми ребятами из того пионерского лагеря я позднее познакомилась – они занимались разными видами спорта и бывали на стадионе.

*(продолжение
в следующем номере)*

Последний штрих. Воспоминания бывшей школьницы Ленинграда, выпускницы 1940 года

А. Г. Логинова

Шшел год сороковой двадцатого столетия нашей эры.

Наше поколение, рожденное в 1921–1922 годах, заканчивало десятый класс.

В стране окончилась кратковременная война с Финляндией, породившая тайную тревогу в сердцах школьников, заканчивающих десятый класс.

Наших мальчиков, с которыми прошли десятилетний срок обучения, ожидал призыв в армию. Мы становились взрослыми. У нас появились симпатии и увлечения. Девочки собирались поступать в высшие учебные заведения.

Это был рубеж входа в жизнь взрослых. А с мальчиками предстояло роковое расставание, с одним – длительное, а с некоторыми на вечность...

Год 1940-й был в мире и стране тревожный...

Надя Короткова.
10 «Б» класс. 1940 г.

И никто из живущих не знает своей судьбы... наших мальчиков ожидал призыв в армию. Влюбленные и молодые, они были полны надежд вернуться обратно через два года. Но время и судьба решают все... Мы, девочки, были полны надежд и не предполагали трагичности расставания. Молодость и детство думают, что этот прекрасный мир – для них и что так будет всегда. Наступил последний школьный рубеж – сдача экзаменов.

Второгодников не было.

После каждого экзамена, перекусив немножко, шли на Неву, на ее прекрасный берег.

Наша 28-я школа Октябрьского района Ленинграда находилась на канале Грибоедова, недалеко от Вознесенского проспекта, тогда проспекта Майорова.

Ученики 10-го класса, сдав экзамен, спешили к берегу Невы, пере-